

СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

А. Г. Корсунский

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Поступила в редакцию 8 мая 2018 г.

Аннотация. *статья посвящена анализу современных теорий, касающихся концепта социального конструирования реальности. В статье использованы подходы социальной эпистемологии для экспликации отдельных элементов социальных практик. Автором исследованы основные методологические проблемы изучения социальных конструктов, предложены некоторые возможные пути их разрешения.*

Ключевые слова: *социальная эпистемология, конструкционизм, функционализм.*

Abstract: *the article is devoted to the analysis of modern theories concerning the concept of social construction of reality. The article uses the approaches of social epistemology for the explication of individual elements of social practices. The author studied the main methodological problems of studying social constructs, suggested some possible ways to solve them.*

Key words: *social epistemology, constructionism, functionalism.*

Авторство концепции социального конструирования реальности, как известно, принадлежит П. Бергеру и Т. Лукману, однако их концепция получила довольно необычное развитие в исследованиях современных функционалистов и трудах сторонников онтологического объяснения социальных конструктов. Социальный конструкционизм, так или иначе, как бы к нему не относились, затрагивает обширное множество философских и социологических проблем, ставит острые вопросы и выявляет неустранимые разногласия. Объединение усилий вокруг этой темы может принести немало пользы, но если только будут эффективно задействованы подходы социальной эпистемологии и социальной онтологии.

Важной проблемой социальной философии является изучение связи знания и интересов, их динамическое взаимодействие внутри социальных групп. В рамках этой проблематики возрастает значимость анализа социальных практик с позиций социальной эпистемологии. Используя инструментарий социальной эпистемологии, можно изучить столь необходимые элементы социальных практик, как формирование убеждений, вопрос верований и проблему принятия коллективного решения.

Современный человек – это человек социальный, с доминирующим социальным эго, развитыми режимами социальной самоидентификации, коллективной интенциональности, группового мышления. В настоящее время, в связи с быстрым развитием средств массовой коммуникаций, информационных, политических PR-технологий, всё острее

встает проблема о социальной обусловленности знания. И всё же тема соотношения онтологии и эпистемологии при конструировании социальной реальности не забыта и сейчас. Например, ее вновь актуализирует Тони Лоусон в своей статье «Ontology and Social Relations: Reply to Doug Porpora and to Colin Wight» [1].

Если рассматривать развитие социальной эпистемологии во второй половине XX в., то стоит обозначить тот наблюдаемый факт, что исследователи использовали разные подходы к одной и той же проблеме, – разделение когнитивного труда и стремление к неортодоксальной стратегии исследования были направлены на построение новой модели формирования знаний.

Среди философов сложились три основных подхода к оценке роли социального контекста и рассмотрению социальных фактов. Первая группа исследователей придерживалась традиционных трактовок рациональности и истины, была склонна рассматривать социальный контекст как фактор искажения «объективной» реальности, фактор, обеспечивающий формирование стойких социальных иллюзий. Их усилия были сфокусированы на поиск универсальных принципов рациональности или принципов построения доказательств, которые могут быть использованы независимо от контекста для установления истинности фактов.

Однако в 1960-х и 1970-х гг. различные по своему видению задач эпистемологии, но безусловно крупные мыслители атаковали понятие истины и объективности, что вызвало пересмотр всей эпистемологической парадигмы в академическом сообществе. К соответствующим авторам можно отнести Томаса Куна, Мишеля Фуко и участников «сильной программы» в социологии науки. Новым этапом в критике традиционных подходов эпистемологии и философии науки стало появление исследований Бруно Латура и Стива Вулгара, придерживающихся позиций акторно-сетевой теории, находящихся на позициях релятивизма, отвергающих традиционное понимание факта. Сам факт для них социально сконструирован и неотделим от своего контекста. Всех перечисленных исследователей можно условно отнести ко второй группе.

Третья же группа исследователей пытается объединить традиционный подход с критическими и релятивистскими нововведениями. На их взгляд, классическая эпистемология может выжить и даже начать процветать с расширенной концепцией и новыми методами достижения истины (а также обоснования и рациональности), а именно с помощью обращения к исследованию социальных и межличностных практик и институтов.

С определенной критикой «объективных фактов» и «точной их репрезентации» выступил Ричард Рорти, подчеркивая ситуационную обусловленность знания и невозможность его отделения от социального и культурного контекста [2]. Таким образом, окончательно оформилась тенденция к релятивизму в эпистемологии второй половины прошлого века.

Однако не только формирование знаний получило свою социальную

казуальность, но и социальные практики обрели новую интерпретацию.

Школа социального конструктивизма рассматривает идеи и знания как социальные конструкты, возникающие в результате социальных интеракций и опосредованные через язык. Иначе говоря, это подразумевает совместное создание реальности двумя (или более) лицами через дискурсы исторической преемственности и признания. Признание – значит узнавание, схватывание определенных качеств феномена, его идентификация, отделение его от иного. Признание говорит нам о том, что становится для нас знанием.

При исследовании вопроса социального конструирования реальности представляется необходимым обратиться к вопросу экспертного знания и рассмотреть роль символических систем.

В настоящее время возрастает роль экспертного знания, в обществе всё чаще разыгрываются роли специалиста и клиента. При предоставлении информации эксперт, или специалист руководствуется не только определенной логикой дискурса или логикой нарратива, его заключение не является стерильным знанием, напротив, эти со-конструкции, или нарративы, рассматриваются не как независимые от людей, а как продукты отношений. Андерсон и Гулишян придерживаются позиции, что мы живем и понимаем нашу жизнь через эти нарративы, которые придают смысл и организацию нашему опыту. Кроме того, развитие повествования – это рекурсивный процесс определения того, с кем мы находимся во взаимодействии.

Как отмечал Ницше: «опыт возможен только благодаря памяти; память возможна только благодаря сведению духовного события к знаку» [3]. Индивидуальное переживание узнается, становится знанием, получает свою определенность путем обозначения, сведения к знаку, символу и лишь потом, благодаря процессам запоминания, становится опытом. Символы, как и родной язык, усваиваются каждым с самого начала жизни, обуславливаются той социальной средой, где формируется личность человека. В этом смысле все события в жизни человека и его индивидуальные переживания испытывают значительное влияние сложившейся в обществе символической системы. Символическая система определенного общества воспроизводит себя посредством воспитания и обучения его членов.

Социальные конструктивисты утверждают, что наш социальный мир репрезентирует себя через сеть многочисленных описаний, в которых мы осознаем себя и других, устанавливаем приоритеты, выстраиваем порядок событий во времени. С этой точки зрения всё, что мы называем реальностью, рассматривается как находящееся в одном большом нарративе, сплетенном из описаний событий, людей, идей, чувств и опыта, и эти описания непосредственно участвуют в конституировании социальных взаимодействий, формируя наш взгляд на реальность.

Однако многие философы и социологи считают исходным пунктом в формировании социальной системы именно практики. Гидденс вводит понятие «структурирования» социальной реальности, под этим он пони-

мает такой процесс, когда посредством социальных практик динамически генерируются социальные структуры, в свою очередь социальные структуры оказывают формирующее воздействие на практики. Фуко также считает, что социальные концепты формируются главным образом благодаря практикам.

Системные теоретики в 1940-х и 1950-х гг. начали исследовать механизмы регулирования и контроля, особое внимание было уделено обратной связи, которая заикликает свои выходы на свои входы, чтобы достичь устойчивого равновесия. Винер применил эту «кибернетику» к социальным системам. В 1950–1956 гг. Парсонс, Эшби, Батесон углубляют этот подход, описывая некоторое подобие гомеостаза в социальных системах, в которых исследователи выявили динамику, направленную на стабилизацию свойств системы.

В 1999 г. Бойд расширил сферу применения концепта социального гомеостаза и использовал его для анализа социальных институтов. Согласно Бойду, социальные институты представляют собой некий кластер или сеть социальных акторов, которым перманентно присущи схожие свойства, причем эти сходства поддерживаются через каузальный гомеостатический механизм [4]. Поскольку его теория включает в себя фактические казуальные модели во времени, социальные институты являются историческими.

Таким образом, функционализм в социальной теории – это преимущественно подход к социальному объяснению, обеспечивающий казуальные объяснения существования и сохранения социальных образований с точки зрения функций, которые они выполняют для общества. Некоторые теории функционалистов также используют онтологические обоснования, утверждая, что природа социальных объектов включает в себя их функции.

Связующим мотивом в функционализме и одним из важных его допущений является утверждение, что люди часто не знают об истинных функциях исполняемых ими социальных ролей, люди не могут предвидеть системных эффектов своих «независимых» решений и общепринятых социальных практик. Мертон демаркировал «скрытые» функции социальных практик от «манифестируемых» функций. Например, как правило, в большинстве цивилизованных социумов люди принимают решения о браке на основе сильных эмоциональных связей, чувства доверия и т. д. «Манифестируемой» функцией в такой социальной практике является построение счастливых долгосрочных отношений. Однако, по мнению Мертона, у этой практики также есть и другая цель (скрытая функция) – минимизировать роль семьи в выборе партнера, что приводит к созданию родственной структуры, объединяющей людей из разных сообществ [5]. Поэтому функционалисты часто не согласны с теориями, рассматривающими индивидуальные социальные стратегии как когнитивно прозрачные для членов общества. Кроме того, рациональность исполнения тех или иных социальных функций может быть поставлена под сомнение, иррациональность набирает силу благодаря эксцессам

этих функций, сложившимся в обществе социальным иллюзиям и непредвиденным социальным последствиям, которые, в свою очередь, являются следствием неполноты информации и нестабильности социальной системы.

Функция может быть онтологически присуща социальному институту *K* одним из нескольких способов. Простейшим является вариант, когда *K* определяется каузальной ролью *R*, выполняемой членами этого социального института. В качестве альтернативы некоторые социальные категории можно интерпретировать как «реализаторы» функциональных ролей.

Однако такое объяснение социальных институтов имеет свои недостатки. В частности, упускается нормативный характер функций. Cummins анализирует функции с точки зрения возможностей компонентов системы вносить вклад в деятельность более крупной системы. По его мнению, функция, которую выполняет сущность, чувствительна к контексту более крупной системы, в которую она встроена.

Сёрл считает, что социальные практики возможно объяснить с точки зрения институциональных фактов, а институциональные факты возникают из коллективной интенциональности через конститутивные правила с четкой логической формой [6].

Лоусон делает акцент на понятие социальной тотальности [7], тогда как Сёрл предпочитает ссылаться на институциональные факторы. Кроме того, Сёрл утверждает, что социальные отношения в принципе редуцируемы, в то время как Лоусон считает, что социальные совокупности не могут быть полностью объяснены причинно-следственными связями их компонентов. Сёрл также помещает язык в основу построения социальной реальности, в то время как Лоусон считает, что формирование сообщества обязательно предшествует развитию языка, и поэтому должна быть возможность формирования неязыковой социальной структуры.

Довольно большое значение в функционализме уделяется связи между субъективными целями актора и бессознательным моделированием повседневных практик, что и обеспечивает субъективное понимание социального контекста. Всё, что актер понимает под сутью таких социальных объектов, как правительство, деньги, университеты, с точки зрения функционалистов, конструируется и понимается только благодаря и в контексте моделей деятельности. Таким образом, социальная теория может только попытаться поймать ускользающее настоящее.

Маргарет Гилберт обращается к вопросу формирования самосознания человека в контексте его вовлеченности в определенный социум, его социальной идентичности, что, по ее мнению, означает, обязанность такого члена социума поддерживать политические институты этого общества [8]. В отличие от большинства современных исследователей этой проблемы Гилберт не редуцирует такое обязательство к вопросу моральных ценностей. Он утверждает, что существуют обязательства иного рода и что они являются функцией членства в политическом обществе, которое трактуется как членство в каком-либо конкретном типе множе-

ственного субъекта, составленном, как и все плюралистические субъекты, на основе совместного обязательства.

Таким образом, существующие концептуальные разногласия, ожесточенные дискуссии и споры о дальнейших перспективах развития теории социального конструирования реальности, непосредственным образом свидетельствуют, что это проблема живая. Необходимость ее дальнейшего развития и углубления исследований в этом направлении является непреложной потребностью современной социальной философии.

Литература

1. *Lawson T.* Ontology and Social Relations : Reply to Doug Porpora and to Colin Wight / T. Lawson // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. – 2016. – № 46. – P. 438–449.
2. *Порти Р.* Прагматизм без метода / Р. Порти // *Логос*. – 1996. – № 8. – С. 155–172.
3. *Ницше Ф.* Черновики : июнь-июль 1885 / под ред. А. А. Гусейнова // *Собр. соч.* : в 13 т. – М. : Культурная революция, 2013. – Т. 11. – 537 с.
4. *Boyd R.* Kinds, Complexity and Multiple Realization : Comments on Millikan's «Historical Kinds and the Special Sciences» / R. Boyd // *Philosophical Studies*. – 1999. – № 95. – P. 67–98.
5. *Merton R.* Social Theory and Social Structure / R. Merton. – IL : The Free Press. – P. 69–132.
6. *Searle J.* The construction of social reality / J. Searle. – N. Y. : The Free Press, 1995. – 256 p.
7. *Lawson T.* Critical Realism – Essential Readings / T. Lawson. – London : Routledge. – 302 p.
8. *Gilbert M.* A Theory of Political Obligation : Membership, Commitment, and the Bonds of Society / M. Gilbert. – Oxford : University Press, 2006. – 301 p.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Корсунский А. Г., аспирант кафедры философии и социальных наук

E-mail: sequinox4@gmail.com

Tel.: 8 (978) 983-14-89

Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky

Korsunskiy A. G., Post-graduate Student of the Philosophy and Social Sciences Department

E-mail: sequinox4@gmail.com

Tel.: 8 (978) 983-14-89